

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

А.В. Павлов

Самарский национальный исследовательский университет

ОБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «СОБАКА»)

Языковая картина мира как «ментально-языковое членение действительности, объективированной в структуре языка» [17, с. 18] воспроизводится в тексте. Через него человек транслирует сформированную им модель реальности, в структуре которой можно выделить фрагменты с особым символическим смыслом [8, с. 6-11]. В данной статье в качестве такого фрагмента анализируется слово «собака». Для более ясного понимания скрытых в этом слове смыслов обратимся к материалам Самарской духовной консистории: священник Павел Порфиоров Тимеревский, обругал у ворот своего дома крестьянина села Хорошенького Ивана Петрова Лапина: «Ты собака, Дьявол и хуже Дьявола и собаки... собака когда войдет в церковь, то церковь после нее можно освещать, но ты хуже собаки...» [16, оп. 6, д. 5239, л. 3-4.]. Как видно из текста, «собака» выступает целым комплексом смыслов и значений (здесь – связанных с Дьяволом), «выросших из социальных договоренностей» [6, с. 31].

При разборе смыслов и коннотаций, связанных со словом «собака» необходимо выделить несколько задач:

- рассмотреть имеющиеся материалы с ключевым словом «собака» и связанными с ним;
- определить контекст употребления определенного рода выражений;
- выявить место, облик и функции «собака» в картине мира крестьян Самарского Поволжья.

Источниковая база данного исследования строится на текстовых материалах: а) записи устной речи в различного рода следственных делах, доносах, рапортах и т.д. [15, 16] (где именно точная формулировка и адресация могли иметь решающее значение для вынесения решения) и в записях фольклорных текстов – сказок, песен, былин [4, 13].

Историография данной проблемы особенно активно развивалась в постсоветский период [1, 3, 10, 11], но была обозначена уже в предшествующий этап [2], однако, исследования в основном касались именно филологической стороны данной проблемы.

Собака вообще имеет ярко выраженную амбивалентность. С одной стороны, это сторож, верный и понимающий помощник [9, с. 320]. Именно в собаку нередко превращается главный герой сказок – она, то сторожит царское дитя [13, с. 100-101], то защищает героев от мертвых [13, с. 347], то бежит за живой и мертвой водой [13, с. 200-201] (она добывается из потустороннего мира [12, с. 181]). Собака здесь положительна в связи со своим утилитарным значением в жизни хозяина. Темная сторона собаки, связанная с поверьем в то, что у собаки нет души [11, с. 158], собака – воплощение черта и самого Дьявола проявляется во вполне прозаичных текстах. Например, в 1871 году крестьянин Емельян Ермилов в Малой Малышевке обозвал крестьянина Якова Букреева молоканом, сказав при том, что крест его можно повесить и на собаку [16, оп. 1, д. 2169, л. 3-4.]. Возможно, в данном случае крест становится ненужным человеку бездуховному, т.е. молокану. В материалах следственного дела Самарского окружного суда встречается следующее: 2 апреля 1890 года крестьяне с. Украинки в винной лавке Чиняева крестьянин Петр Филиппов Тамбовцев порицал иконы, ответив на замечания, что даже с «Чиняевского кобеля можно снять портреты и поклоняться им», а затем ушел из лавки [15, оп. 2, д. 699, л. 3.]. Сравнивая святых с собакой, Тамбовцев, вероятно, низводил изображенных святых до уровня бездушных существ, отрицая их силу и влияние на его жизнь.

Село Петропавловка, июнь 1890 года. Крестьянин Семен Соболев на сходе обругал бывшего там волостного старосту «сукиным сыном» и другими площадными словами [15, оп. 2, д. 197, л. 4]. Здесь сам староста как «собачий сын» должен являться щенком, что должно символически указывать на его слабость в сравнении с бранящимся [5, с. 18-19], что подчиняет и нейтрализует его в дальнейших действиях, ставит на нижнюю ступень общественной лестницы [14]. Соболев с помощью своего речевого поведения, вероятно, стремился утвердить свой статус, что предполагает агрессивность и доминирование в коммуникации [7]. Схожая инвектива была обращена к священнику в селе Иловатом, когда во время службы крестьянин села Дьяковки Василий Солодовников кричал: «врет он, все врет, он сукин сын!» [16, оп. 6, д. 5031, л. 2.]. Личное несогласие Солодовникова со словами священника ставит последнего в оппозицию, делает «чужим» (обратим внимание, Солодовников житель другого села), соответственно его нахождение в церкви оскверняет ее, равно как нахождение в ней пса [1].

Подводя итог, стоит сказать, что «собака» в своем «употреблении» [8, с. 6], куда чаще встречаемом в фольклоре, собака положительна, она страж имущества и защитник человека, однако в повседневных коммуникациях, в своем «значении» становится символом бездушия, бездуховности (что является христианским наследием в сознании крестьянства), воплощая в себе весь ряд ассоциаций, связанных с бесовскими силами и даже Дьяволом, сравнение с которым уже может восприниматься как самое тяжкое

оскорбление. Связь собаки с загробным миром, жизнь на всевозможных пограничьях делает ее существом, принадлежащим двум мирам, охраняющим «своих» от «чужих» передает связь собаки с низом — телесным или пространственным — местом обитания нечистой силы, чертей и прочих ему подобных существ.

Библиографический список

1. Авакова Р.А., Бектемирова С.Б. Отражение образа собаки в тюркских и славянских языках // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. №8 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-obraza-sobaki-v-tyurkskih-i-slavyanskikh-yazykah-1> (дата обращения: 23.10.2023).
2. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Л., 1948.
3. Борисенко Н.Ю. Русские образные сравнения в лингвокультурологической интерпретации для иноязычного адресата // Известия ВГПУ. 2017. №4 (117) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-obraznye-sravneniya-v-lingvokulturograficheskoy-interpretatsii-dlya-inoazychnogo-adresata> (дата обращения: 26.10.2023);
4. Жемчужины Жигулей / составитель Кузменко С.Е. Куйбышев: Кн. Изд-во, 1982.
5. Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник МАЭ. Том VIII. Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
6. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. М., 2010.
7. Кошелева О.Н., Маслова А.Н. «Из насмешек, угроз...» // Вестник ЧелГУ. 2018. №6 (416) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-nasmeshek-ugroz> (дата обращения: 11.10.2023).
8. Логман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX вв.). М., 1993.
9. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
10. Маругина Н.И. Концепт «Собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. №2 (6) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-sobaka-kak-element-russkoj-yazykovoy-kartiny-mira> (дата обращения: 26.10.2023).
11. Позднякова А. В. Зооним собака в русских пословицах // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. Ф. Новикова. Белгород: ООО «Эпицентр», 2017.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
13. Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края / собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1884.
14. Словарь библейских образов: [Справочник] / Под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III ; ред.-консультанты: Колин Дюрнес, Дуэлас Пенни, Дэниел Рейд ; [пер.: Скороходов Б.А., Рыбакова О.А.]. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2005. [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/870#source> (дата обращения: 11.10.2023);

15. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 8.
16. ЦГАСО. Ф. 32.
17. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск, 2011.

О.В. Храпунова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ПРИНЦИПЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В МЕМУАРАХ

Единые требования по отбору кандидатов достаточно длительное время отсутствовали. И лишь к приходу в МИД А.М. Горчакова были введены четкие правила по отбору кандидатов. Если затрагивать кадровый отбор, то стоит брать во внимание такой критерий как происхождение дипломата. Сюда относились «дворяне потомственные, личные и прочие, дети чиновников и офицеров, дети финляндских чиновников не из дворян, дети русских священников и дьяконов, дети купцов 1-й гильдии и дети канцелярских служащих, ученых, художников» [11, с. 150].

Упоминания дворян, при рассмотрении важности происхождения на отборе кадров неслучайны. Если обращаться к воспоминаниям, то здесь можно встретить попытку дать характеристику поэтом П.А. Вяземским генералу А.Ф. Орлову, впоследствии пришедшим к дипломатической деятельности. Он написал ряд замечаний, которые необходимо учесть: «Орлов никогда не готовился к дипломатической деятельности. Поприще его было военная и придворная служба... но светлый и сметливый ум его, тонкость и уловчивость, сродные русской натуре и как-то дружно сливающиеся с каким-то простосердечием, впрочем, не поддающимся обману, заменяли ему предания и опытность дипломатической подготовки» [2, с. 91].

На самом деле важность происхождения, со всеми вытекающими из него деталями, на которые опирался МИД при отборе кадров, понимали уже давно. Например, это было хорошо известно А.И. Остерману в эпоху Петра I. Именно он, рассматривая службу дипломатов, вывел главную проблему – нехватка кандидатов из «знатных и честных домов», и знакомых с политическими науками [3, с. 18]. Эти рассуждения ставились и в начале XIX века, где русский историограф Н.М. Карамзин заявил, что: «Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы» [5, с.106]. Это лишь подчеркивало важность такого критерия как происхождение при отборе кандидата, на которое опирался МИД.

Данный вопрос освещал в своих воспоминаниях дипломат Ю.С. Карцов. Он писал: «В Министерство Иностранных дел поступают молодые